

ВЕНЕРА, РУСТАМ И МАРАТ ГИЗАТУЛИНЫ

Наблюдая за гончаром, или
Жизнь полна подарков

Чирчик - СССР

Марат Гизатулин

**Наблюдая за гончаром,
или Жизнь полна подарков**

«Издательские решения»

Гизатулин М.

Наблюдая за гончаром, или Жизнь полна подарков /
М. Гизатулин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749898-6

Это воспоминания совершенно обычных людей. Не знаменитых актёров или спортсменов. Зачем же тогда книга, спросите вы? Книга написана в первую очередь для внуков и правнуков. Если им вдруг захочется узнать, как жили их предки и откуда они вообще. А ещё для тех, чьи жизненные тропы пересекались с тропами авторов и кто ещё помнит их. Но если вдруг кому-то из незнакомых нам людей, несмотря на предупреждение, в книге что-то покажется интересным, мы будем счастливы.

ISBN 978-5-44-749898-6

© Гизатулин М.
© Издательские решения

Содержание

Рустам	7
Наблюдая за гончаром	8
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Наблюдая за гончаром, или Жизнь полна подарков

Венера Гизатулина Рустам Гизатулин Марат Гизатулин

© Венера Гизатулина, 2016

© Рустам Гизатулин, 2016

© Марат Гизатулин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обычно в аннотации чуть ли не к любой книге пишут, что она предназначена для широкого круга читателей. Если только это не специальная, узкопрофессиональная книга. Мы этим похвастаться не можем. Предлагаемая читателю книга НЕ предназначена широкому кругу читателей. И не потому, что она какая-то заумная и требует специальных знаний, нет. Это обычные воспоминания обычных людей. Написаны они, как и положено мемуарам, людьми немолодыми. Поэтому неровно написаны, не очень связно, и не очень складно. Потому, что в слабеющей памяти остаются уже какие-то обрывки, и их с каждым днём всё меньше и меньше. Да и эти обрывки, наверное, имеют разную степень достоверности.

Но не качество написанного должно отпугнуть широкого читателя, не это главное. Главное, что это воспоминания совершенно обычных, как уже выше было сказано, людей. Не зна-

менитых актёров или спортсменов, а стало быть, никому их воспоминания не интересны. Зачем же тогда книга, спросите вы?

Книга написана в первую очередь для внуков и правнуков. Если им вдруг захочется узнать, как жили их предки и откуда они вообще. А ещё для тех, чьи жизненные тропы пересекались с тропами авторов, и кто ещё помнит их.

Но если вдруг кому-то из незнакомых нам людей, несмотря на предупреждение, в книге что-то покажется интересным, мы будем счастливы.

Рустам

Наблюдая за гончаром

*Я вчера наблюдал, как вращается круг,
Как спокойно, не помня чинов и заслуг,
Лепит чашу гончар из голов и из рук,
Из великих царей и последних пьянцуг.*

Омар Хайям

*...Он там сидит, изогнутый в дугу,
И глину разминает на кругу,
И проволочку тянет для основы.
Он лепит, обстоятелен и тих,
Меня, надежды, сверстников моих,
Отечество... И мы на все готовы.*

Булат Окуджава

Есть такая татарская поговорка: **чулмэкчедэн курмакчи**. Смысловый перевод этой поговорки на русский язык – **подражатель, человек, повторяющий чужой стиль, опыт**. А если дословно перевести, то это будет «наблюдающий за действиями гончара».

И оба эти перевода подходят к тому, чем я вдруг занялся. Если по смыслу поговорки, то да, подражатель я – сын пишет, жена пишет, и меня вдруг потянуло туда же. И дословный перевод здесь будет уместен – сквозь прожитые годы я как будто наблюдаю за действиями неведомого мне гончара, который, как из глины, лепит мою судьбу и меня.

Пятьдесят лет назад я, правда, недолго, баловался стихами, но с тех пор ничем подобным не занимался и склонности к беллетристике не имел.

Нет, был ещё один маленький опыт бумагомарания, из которого вышел большой конфуз. В 1967 году после возвращения на свой родной Чирчикский электрохимкомбинат из Красноярска я работал в отделе главного энергетика старшим инженером. Как раз в том году случился арабо-израильский конфликт, который в активной или пассивной форме продолжается до сих пор.

О причинах этой войны я знал очень хорошо, начитавшись тогдашних газет. И гнев к израильской военщине (это словечко пользовалось большим успехом у советских журналистов) меня переполнял. Переполнял так, что я взял и написал хлесткий памфлет, изобличающий агрессора.

Мало того, что написал. Мне, как всякому пишущему, хотелось этим с кем-то поделиться. И я не нашёл ничего лучшего, как прочитать свою писанину двум своим непосредственным начальникам – главному энергетiku комбината Евгению Петровичу Калинин и его заместителю Михаилу Ильичу Шерману. Оба они были евреями. Они прослушали мой памфлет, переглянулись между собой и ничего мне не сказали – не похвалили и не похулили.

Только потом я понял, как неудачно выступил.

К слову сказать, оба слушателя моего памфлета ко мне очень хорошо относились. Как до памфлета, так и после. До самой своей смерти.

Через десять лет после моего неудачного выступления мы с Евгением Петровичем Калининим уже жили по соседству в роскошных по тем временам коттеджах. Он был заместителем генерального директора по капитальному строительству крупнейшего в городе предприятия,

производственного объединения «Электрохимпром», в которое преобразовался наш комбинат, а я – главным энергетиком там же.

Этих коттеджей было всего десять, и жило там руководство города и нашего предприятия. С одной стороны нас забор разделял с Калининым, а с другой стороны – с председателем горисполкома Владимиром Алексеевичем Лариным. Он был очень славным человеком, Владимир Алексеевич, добрым соседом, хоть и коротал каждый вечер после работы с тремя бутылками дешёвого портвейна «Чашма». После выхода на пенсию количество «Чашмы» увеличил до пяти бутылок в день. Он всегда был невесел и задумчив, казалось, что-то его гнетёт – то ли фронтовое прошлое, то ли горисполком.

А позади нашего дома были дома генерального директора и главного инженера «Электрохимпрома» Вахида Кадыровича Кадырова и Василия Яковлевича Сосновского.

Рядом с домом директора был дом тоже Кадырова – первого секретаря горкома партии Гайрата Хамидуллаевича Кадырова.

У нас были очень добрые отношения с Евгением Петровичем. Скажу только, что жена его умирала буквально на руках у моего сына.

Что касается Михаила Ильича Шермана... Через пять лет после моего памфлета, когда Е. П. Калинин уходил на другую должность, встал вопрос, кем его заменить. И было принято естественное решение назначить главным энергетиком его заместителя М. И. Шермана. А меня планировали сделать его замом. Однако Михаил Ильич неожиданно предложил меня назначить главным энергетиком, а он так и останется заместителем, теперь уже не Калинина, а моим. Михаил Ильич сказал тогда, что он уже в возрасте, а я молод и энергичен и лучше его знаю производство.

Мы прекрасно работали с ним до самой его пенсии. И после у нас были самые тёплые отношения до самого его отъезда в Израиль.

Через много лет на своё восьмидесятилетие я получил от Михаила Ильича из Израиля очень трогательное поздравление. Ему тогда было 103 года. Мы часто с ним общались по телефону в последние годы, и я мечтал съездить к нему в гости, но не успел, к сожалению. Михаил Ильич умер через год после моего восьмидесятилетия.

Хорошо хоть мой сын с женой и дочерьми успели побывать у Михаила Ильича в гостях. Они были очень тепло приняты, и старик, расставаясь с ними, даже прослезился.

Р. М. Гизатулин руководит штабом учений по гражданской обороне.

С тех пор, слава богу, в этом плане всё было хорошо – за перо я не брался. А теперь, очевидно, рецидив случился, и захотелось мне выложить на бумагу что-то из своей жизни, что я ещё помню. Этого осталось немного, но всё равно, кому-то умеющему хорошо писать, хватило бы материала на небольшую повесть. Лучше всех это мог бы сделать мой сын Марат. Не потому, что он самый лучший писатель, просто он, как сейчас говорят, в теме. Но нет, я не хочу его загружать, да, думаю, и особой надобности в этом нет. Как удастся нацарапать, так пусть и будет.

Если голова моя не подведёт. Она совсем плохо стала работать. Но ничего, я буду делать перерывы, перечитывать и переписывать, вспоминать, как смогу. Надеюсь, в этот раз избежать конфуза.

1

Родился я летом 1933 года на станции Каракуль Бухарской области. Почему так далеко от исторической родины? В эти годы, подавив сопротивление басмачей, советская власть начала развивать свои среднеазиатские владения. Для этого нужны были грамотные люди. Не специалисты какие-нибудь особые, а хотя бы элементарно грамотные. И из России начинают активно переселять людей в среднеазиатские республики. Платят им подъёмные, предоставляют работу. Вот тогда очень много татар переселилось в Узбекистан, в частности. Почему татары? Потому, что они хоть как-то могли изъясняться с коренным населением, ведь узбеки русского языка не знали. А татарский и узбекский – языки родственные. В своих голодных аулах в Татарии и Башкирии делать было нечего, поэтому те, кто знали, кроме родного, ещё и русский язык, хотя бы немного, с удовольствием ехали в новые места и работали там в школах и в государственных органах. А если ещё и считать немного умели, то уже могли работать и в госбанке.

Так мои родители попали в Узбекистан.

На этих фото Рустам и Вилия в 1939 году. Рустаму шесть лет, а Вилие 1 год.

О первых годах своей жизни мне сообщить нечего, я не помню практически ничего. Поэтому начну я с войны. Летом 1941 года мне было семь лет. Мы тогда с отцом, матерью, сестрёнкой Вилией и братиком Ревмиром жили, как я уже сказал, на станции Каракуль.

Вилие было четыре года, а Ревмиру всего год. Не могу не упомянуть о происхождении их имён. Обычное татарское имя было только у меня. Родители наши, видимо, крепко были идео-

логизированы – первые три буквы имени Вилия – это аббревиатура *Владимир Ильич Ленин*, а Ревмир расшифровывается как *революция мировая*. Таких экстравагантных имён в ту пору было множество, например, Вилен, Октябрина – народ был очень воодушевлён своей страной, своей революцией. Люди были убеждены, что строят большое и справедливое государство, и конечная цель – коммунизм – это счастье всего человечества.

Была у нас ещё сестра, постарше меня. Её звали Кимия – опять революционное имя: *Коммунистический Интернационал Молодёжи* – предвестник комсомола. Эти имена были адаптированы на татарский лад – с ударением на последнюю букву – Вилия́, Кимия́. Саму нашу маму звали Галия́ – очень созвучно с именами дочерей, и несведущему человеку могло показаться, что у дочерей такие же татарские имена, как у матери.

Кимия умерла, когда я был маленьким, и я её не помню. Мне мама о ней не рассказывала, но своему внуку, через много лет, когда боль уже улеглась, она рассказала, что Кимие было восемь лет, у неё был день рождения, и гости её подбрасывали к потолку. И у неё получился заворот кишок. Так это было или не так, теперь уже узнать не у кого.

Райцентр Каракуль со всеми институтами административного управления – райкомом партии, райисполкомом, отделением госбанка, почтой, судом, прокуратурой и милицией – находился в четырёх километрах от железнодорожной станции, где жили мы.

Название Каракуль на русский язык переводится как Чёрное озеро. Когда мы там жили, никакого озёра уже не было, тем более теперь нет. Но тысячу лет назад на этом месте было большое озеро. Кстати, знаменитый мех каракуль называется так именно по названию этой местности. Для получения такого меха резали одно-двухдневных ягнят от овцы каракульской породы.

Двор наш двумя стенами примыкал к хлопкозаводу, третья сторона двора смотрела на кинотеатр, а четвёртая с калиткой и воротами выходила непосредственно на железную дорогу. Выйдя из калитки, мы сразу оказывались перед железнодорожными рельсами, которых было три пары. Никакого перехода через них не было. Поэтому мы все – и взрослые, и дети – ходили через железнодорожные пути, так как всё – школа, базар, столовая, детсад и прочее – располагалось по другую сторону путей. Правда, поездов было очень мало, и, услышав шум проходящего состава, люди специально выходили посмотреть на это событие. Поездов было мало потому, что это была короткая ветка – от станции Каган, что была возле Бухары, до Чарджоу (ныне Туркменабад). И хотя Чарджоу был уже в Туркмении, длина маршрута была всего сто пятьдесят километров. Километрах в десяти от нас была станция Алат, где нам тоже довелось пожить короткое время, а дальше – железнодорожный мост через могучую тогда реку Амударья, и сразу на другом берегу реки был расположен город Чарджоу. Туда иногда ездила наша мама заказать в ателье обновку.

Братик мой, видимо, родился не очень здоровым и вскоре умер. Бытовые условия, в которых мы тогда жили, назвать благоприятными никак нельзя: дефицит воды, даже очень некачественной, летом – жара сильно за 40 градусов, песчаные бури, несносные твари – комары, скорпионы. Туалет, естественно, на улице.

Отец наш работал кассиром на хлопкозаводе. Теперь я понимаю, что слово *кассир* не совсем правильно отражает тогдашние реалии – кроме того, что он деньги выдавал, он выполнял и все бухгалтерские функции. Видимо, это были немалые деньги – колхозы получали деньги за сданный на завод хлопок наличными.

Итак, мы жили на станции Каракуль, а мои дедушка Хасан и бабушка Миньлесофа жили в райцентре Каракуль, в четырёх километрах от станции и от нас. Я иногда бывал у них и даже жил там по несколько дней. Об этих днях у меня самые тёплые, приятные и яркие воспоминания из моего детства. Дед и бабушка были очень спокойными и добрыми, не чересчур набожными, хотя соблюдали какие-то мусульманские обряды и обычаи. Они очень меня любили и во всякий удобный случай старались увезти меня к себе. Дедушка работал конюхом, заве-

довал конюшней, обслуживающей райисполком. Когда я приезжал к ним, дедушка брал меня с собой на базар, где мы покупали что-то к столу. Обязательно он покупал мне нишаллу. Это была такая сладость белого цвета, полужидкий вид халвы, консистенцией похожая на сгущённое молоко. Когда мы приходили с базара домой, у бабушки уже был накрыт стол, кипел самовар, сварен был суп, всё было очень вкусно. Мы сиделись втроём и ужинали, и это осталось в моей памяти самыми счастливыми моментами моего детства.

Рустам со своей любимой бабушкой незадолго до её смерти.

Иногда мы все вместе – мама, папа, я и Виля – ездили в Каракуль к дедушке с бабушкой. Особенно запомнилась одна из поездок. Чтобы въехать в сам райцентр, нужно было проехать по большому деревянному мосту через реку Зарафшан. Так вот в один из наших приездов мой отец с друзьями поймали под мостом огромного сома, гораздо больше меня. Поймали просто

руками, видимо, сом нашёл тихую заводь и отдыхал там. Мужики впятером еле вытащили сома из укрытия и выволокли на берег. Мне было очень интересно, радостно и страшновато – голова и пасть сома были огромными!

Я тогда частенько приходил на работу к отцу, прямо в его кабинет с окошечком для выдачи денег, и просил его:

– Ати, бир сум бар? (Папа, у тебя рубль есть?)

И мама, и папа мои хорошо знали русский язык, но дома мы разговаривали по-татарски, так было удобнее. А вот дети наши, и тем более внуки, и мои, и Вилии, совсем не знают этого языка. За исключением Марата, который, когда подросток уже, просил своих бабушек разговаривать с ним по-татарски и как-то немножко научился. Почему-то ему это было интересно.

Папа давал мне рубль, и я тут же убегал, и мы с друзьями покупали какое-нибудь лакомство. На тогдашний рубль можно было купить одну или даже две дыни.

Мама тогда не работала, заботилась о детях. Почти половину лета 1941 года мы с друзьями ходили купаться на реку Зарафшан, километрах в двух от того места, где мы жили. В воде мы барахтались и «топили» друг друга. Я особенно преуспевал в этом, оглушительно крича: «Бей жидов, спасай Россию!» Почему нужно кого-то бить и как это может поспособствовать спасению России, я тогда не понимал. И сейчас не понимаю. Просто услышал где-то этот призыв, и он понравился ребёнку. Видимо своей задорностью и простотой исполнения великой задачи.

Я хорошо нырял и плавал и однажды так «удачно» нырнул, что пробил голову о камень, лежащий на дне. У меня и до сих пор ямка на макушке осталась.

Почти сразу, как началась война, отец стал ездить в посёлок Каган, который был за 70 километров от нас. Это возле Бухары, мужчин призывного возраста со всей области собирали там и обучали военному делу. Каждый день папа рано утром уезжал и поздним вечером возвращался. На работу он уже не ходил. Но однажды, вернувшись из Кагана, он сказал маме, что завтра на учёбу не поедет, а послезавтра поедет уже с вещами – их отправляют на фронт.

Горестная была обстановка в доме, мама плакала.

Мы остались одни, жить было не на что. Маме пришлось искать работу. Она была грамотная, ей предложили должность в госбанке, и мы переехали в райцентр, где, как я уже выше писал, жили мои дедушка и бабушка. Раньше жили. Но теперь их там давно уже не было. Дедушка умер задолго до войны, в 1939 году, а бабушку забрала к себе в Шафиркан их дочь, моя тётя Марвия.

2

Переезжали мы на арбах. Квартиру в райцентре Каракуль нам дали в том же здании, где располагался госбанк. Здание было большое, в виде буквы П.

На новом месте долго жить нам не довелось, но я успел обрести друзей. И успел увидеть трагедию, случившуюся с моими новыми друзьями. Один из них – Юра Литвинов, его отец был большим начальником в районе и, как тогда было принято, имел личное оружие. Имя второго мальчика я забыл.

Юра, конечно, всем хвастался, что у его папы есть пистолет. И, конечно, остальные мальчишки ему завидовали. И вот они поспорили с одним мальчиком, долетит ли пуля с одного берега Зарафшана до другого. Там метров сто было, наверное, между берегами, ну, может, поменьше немного, если посмотреть взрослыми глазами. Юра побежал домой и стащил пистолет, пока папа был на работе. Тот мальчик, имя которого я забыл, перешёл по мосту на другой берег и встал в качестве мишени. А Юра стрелял. Пистолет – не очень прицельное оружие,

и попасть из него в кого-то очень трудно даже на коротком расстоянии. Но... пуля попала прямо в грудь. И тот мальчик, имени которого я не помню, умер сразу.

Очень жаль, что я не помню его имени, хоть имя от него осталось бы, и мои дети и внуки узнали бы, что жил такой мальчик.

Мы с Вилией были маленькие, и мама не могла разрываться между работой и нами, поэтому нашла нам няньку, хорошую добрую девушку по имени Миннигуль, которая приехала из Башкирии. Младший наш братишка Ревмир уже умер к этому времени.

Рустам и Вилия с нянькой Миннигуль.

К сожалению, Миннигуль вскоре сбежала от нас – она вышла замуж за какого-то узбека или таджика. Другой няньки маме найти не удалось, и нам пришлось уехать в Шафиркан, где

жили младшая сестра моего отца Марвия-опа и моя бабушка. Кто лучше бабушки присмотрит за внуками? Никто и никогда. И она никуда не сбежит.

И снова мы со всем своим немногочисленным домашним скарбом отправились в путь. Ехали уже не на арбах, а на грузовике. Путь неблизкий – до Бухары 70 километров, и потом ещё от Бухары до Шафиркана километров 50. Мама с маленькой Вилией в кабине, а я на вещах в кузове.

Маджид Саидов. На всякий случай надо сказать правнукам, что цифрового фото тогда ещё не придумали и эта фотография раскрашена рукой.

У моей тёти тоже были маленькие дети, и бабушка помогала с ними управляться. Марвия-опа работала заведующей библиотекой, а её муж таджик Маджид Саидов был зоотехником и работал при райисполкоме – он заведовал колхозными бараньими стадами, которые паслись в Кызылкуме. Не в самой пустыне, конечно, а перед ней, где весной ещё бывала травка.

Тётя Марвия с детьми. Стоит дочь Румия, а на коленях у матери сидит сын Марс (умер в детстве).

Приехали на место к вечеру и разгрузили вещи в уже приготовленный для нас дом на окраине посёлка, недалеко от библиотеки, где работала моя тётя. Дом был глинобитный, состоял из одной большой комнаты и чуланчика. Комната была без окон.

На новом месте маму сразу устроили завхозом в детдом. Из того времени я мало что помню. По-моему, довольно скоро маму позвали на работу в госбанк и нам дали новую квартиру в современном по тогдашним временам одноэтажном доме на несколько квартир. Их было два таких современных дома в посёлке, они стояли параллельно друг другу. Я не буду подробно описывать эти чудо-дома, скажу лишь, что это были бараки – «чудо-дома». Хотя... что такое барак, теперь поймут лишь только люди старшего поколения. Остальным ведь надо объяснять.

Или не надо? Зачем им знать о бараках и о тех, кто в них жил?

Квартира наша небольшая была по нынешним временам и без удобств – одна комната метров двадцать с одним окном. Но главное достоинство нашей новой квартиры было в том, что она была в 50 метрах от дома, где жила семья моей тёти.

Стали мы обживать наши владения. Расставили мебель, хотя, с точки зрения современных людей, назвать это мебелью было бы большим преувеличением, разложили вещи. Нас всё вполне устраивало, и о большем комфорте мы и не мечтали. Да и как мы могли мечтать? Ничего лучшего мы ведь никогда и не видели.

Сразу после первого дома, а мы жили во втором, находилась русская школа. Напротив школы – военкомат, а справа, если идти от нас в школу, протекал арык, довольно широкий, метров восемь в ширину. Если идти от нашего дома направо, тропиночка приводила к арыку, недалеко, метров в ста, наверное. Этот арык был основным источником нашего водоснабжения, а летом мы в нём и купались. Я уже писал, что Шафиркан находился на краю оазисной части Бухарской области. Северная часть района через пару кишлаков примыкала к пустыне Кызылкум. «Гуль» называли эту часть местные жители-узбеки.

Я пошёл в первый класс. Занятия уже начались, но я опоздал к началу учебного года буквально на несколько дней, так что быстро вписался в коллектив. Мама ходила на работу, а за Вилией присматривала моя бабушка. Очень удобно было, что Марвия-опа жила совсем рядом с нами.

Мама работала уже управляющей сельхозбанком. И однажды из Ташкента приехали два проверяющих. Мама очень боялась, что могут найти какие-нибудь ошибки или нарушения. Время было военное, наказание могло быть страшным.

Но ревизоры уехали довольные, и жизнь потекла по-прежнему. Некоторые события нашей жизни того времени я не хочу вспоминать. Но, наверное, надо.

Вот одно из них. Это было осенью 1942 года. В центре Шафиркана, напротив горисполкома и райкома партии, был небольшой парк, состоящий из полусотни акаций и нескольких десятков талов. Тал – это дерево, похожее на российскую вербу, и росло оно только по берегам арыков. Как раз одной из сторон, огораживающих парк, был тот самый арык, из которого мы брали воду для всех наших нужд. Интересно, что арык течёт большей частью по пескам, а не по твёрдому грунту. Но настолько вода нашего арыка была насыщена глиной, что сумела загрузить все поры своего дна.

Второй год шла война, люди уже в полной мере ощутили все тяготы войны. Жизнь резко ухудшилась, и начались выступления против советского строя.

Я присутствовал на одном суде, который состоялся прямо в парке. Басмачи со связанными руками сидели прямо на земле, судьи – за столом, покрытым красной материей. Басмачей было много, человек, наверное, двадцать или тридцать, все с бородами – и старые, и молодые. А за их спинами – милиционеры: кто с винтовкой, кто с наганом, кто с саблей.

Я очень хорошо запомнил этот день. Суд длился недолго, кое-кого из подсудимых о чём-то спросили, и вскоре нас, зевая, прогнали, а арестантов повели в сторону милиции.

Таких судов было много тогда, все о них говорили, но я на них больше не ходил. Сейчас я думаю, что эти басмачи, люди призывного возраста, спасаясь от призыва в армию и на фронт, уходили в пустыню Кызылкум и промышляли грабежами.

А война продолжалась, и жизнь устраивалась на новый, военный, лад. Мне такая жизнь не казалась какой-то особой. Мама работала, я ходил уже во второй класс, за Вилией по-прежнему смотрела бабушка.

3

Но спокойная наша жизнь продолжалась недолго.

В начале 1943 года к маме на работу снова приехали ревизоры из Ташкента. Проверили работу банка, сравнили результаты с предыдущей проверкой. Результаты им понравились, и маму перевели на новую работу в соседний район – Вабкентский. На ту же должность управляющей районным отделением сельхозбанка.

Вабкент находился всего лишь в 12 километрах от Шафиркана. Это был очень древний город, гораздо старше Москвы. Когда-то Вабкент имел очень высокий статус, в нём даже был собственный монетный двор. До сих пор в Вабкенте стоит красивейший минарет высотой почти в сорок метров, ровесник Москвы. И по сей день это самый высокий минарет в Бухарской области.

Вабкентский минарет.

Но к тому времени, когда мы приехали в Вабкент, это уже не был величественный город, это был неказистый посёлок. Обычный, такой же, в каких мы жили до того.

Нас поселили на центральной улице, метрах в семидесяти от знаменитого минарета, но дом наш был старой глинобитной развалюхой.

Здесь, в Вабкенте, у меня появилась своя постоянная обязанность – сбор дров. У матери отпала забота о дровах. Заготавливать дрова там – это совсем не то же самое, что в России. Не то, что леса – деревьев почти не было. Дровами у нас были сухие ветки, сучья тала, который рос по берегам Зарафшана. Где-то я нашёл колесо на оси, несколько деревяшек и соорудил тачку. Эта тачка очень помогала мне при сборе дров. За одну поездку я мог собрать и привезти достаточное количество дров, чтобы нам приготовить пищу и чай и обогреть комнату. Глинобитные дома хорошо держали температуру – зимой было не очень холодно, а летом прохладно.

Так жило большинство тогдашних мальчишек – у нас даже какие-то коммерческие сделки были в ходу по приобретению колеса для тачки или чего-то другого. И эту ситуацию понимали и оценивали все, в том числе наши учителя, ведь они жили рядом с нами. Если на уроке кто-то не мог ответить на вопрос, ему не ставили двойку, а поднимали другого ученика, второго, третьего, пока не получится полный ответ на заданный вопрос. И всем нам становился ясен ответ, все получали какие-то знания.

Помню, я частенько не мог сразу ответить на вопрос учителя. Делать дома уроки – такого понятия у меня не существовало.

Дом, в котором мы жили, был старый, глинобитный, как я уже сказал, хотя и в центре посёлка. Нас мучила малярия. В километре от посёлка протекала та же река, что была и в Каракуле – Зарафшан. По весне река разливалась. А когда возвращалась в своё русло, по берегам оставались заводи и болота, кишасшие комарами.

В этих болотцах ловили рыбу. Прямо руками. Садись на дно по пояс в воде, раздвигали ноги и продвигались к берегу. Руками между ног вылавливали рыбу. Пойманную рыбу либо выбрасывали на берег, либо – если рыба большая – выходили на берег и насаживали на кукан.

Очень неприятными были комары, которые нас нещадно кусали. Я постоянно болел малярией. Эта болезнь в той местности была очень коварной. Температура тела повышалась до 40 градусов и выше, а потом вдруг падала, и начинался озноб. Так колотило от холода, что даже два-три одеяла вместе с тёплой одеждой не помогали. Лечили нас акрихином и хиной – очень горькие лекарства были.

Я ходил в школу, мама работала, Вилия оставалась дома одна. Однажды её укусил скорпион. Ей было очень больно, она кричала, плакала, но никого из взрослых рядом с ней не оказалось.

В Вабкенте мы прожили года полтора или два. Шёл последний, четвёртый, год войны. Мама иногда читала нам письма отца с фронта. Чем-то особенным нам это не казалось, это была обычная жизнь, к которой мы привыкли.

Как-то утром я шёл с бидоном за молоком по направлению к минарету. Недалеко от минарета меня догнал взрослый мужчина, потом оказалось, что это был начальник милиции. Он мне сказал, чтобы я бежал за ним. Когда мы добежали до минарета, он крикнул хозяину чайханы, находящейся под минаретом, чтобы тот принёс лестницу. Когда принесли лестницу и приставили к проёму (дверце) минарета, мы с чайханщиком стали подниматься по винтовой лестнице в теле минарета вверх. Перед этим нам вручили молоток с гвоздями и красное знамя с древком, которое мы прибили на самом верху рядом с гнездом аиста.

Это было 9 мая 1945 года.

4

Все ждали возвращения отцов с войны, но мы так и не успели дождаться – маму снова перевели на новую работу. Теперь уже даже не в Бухарской области, а в Самаркандской – поближе к Ташкенту. Ей там предложили возглавить отделение сельхозбанка в Акдарьинском районе.

Нам предстояло новое переселение. Почему-то детали этого переезда я не помню, хотя я повзрослел уже на два года.

Район получил название по названию реки Акдарья, что в переводе на русский язык означает *Белая река*. А главный посёлок района носил название Лайш. Происхождение названия таково: *лай* по-узбекски – это грязь, а *ши* – это команда ослу, чтобы остановился.

Приехали мы на место, и поселили нас в здании, где находились и госбанк, и сельхозбанк, так же, как когда-то в Каракуле. Квартира здесь была получше, но туалет всё равно только во дворе.

Это был центр Лайиша, метрах в 100 от нас был базар и всё остальное. А вот школа была на окраине посёлка, рядом с пожарным депо. К этой, уже третьей на моём счету, школе, я привыкал гораздо труднее, чем к предыдущей. В чужом классе я чувствовал себя неудобно, к тому же в детстве я был очень стеснительным.

Далеко не сразу, но появился в новой школе у меня друг Гриша. Он был гораздо выше меня и старше. По национальности он был еврей. Жили они в пожарном депо, и я стал часто бывать у них. И Гриша часто бывал у нас. Мама его была уже пожилой женщиной, а его старшая сестра, как я позже понял, работала в органах госбезопасности, учреждение это находилось рядом с пожарным депо.

Там, в Акдарьинском районе, мы прожили тоже недолго – до 1946 года. Наверное, поэтому я мало что помню из этого периода своей жизни. Почти ничего не сохранилось в моей памяти. Помню, как стали возвращаться фронтовики.

Те, кому повезло вернуться, возвращались не с пустыми руками, а с трофеями. Не все, конечно, только офицеры. Появились даже немецкие и американские мотоциклы. Такое могли привезти уже только высшие офицеры – полковники, наверное, не ниже. Мы, мальчишки, с интересом окружали эти чудеса техники, рассматривали их и с испугом отскакивали, едва мотоцикл трогался с места. Эти мотоциклы нам казались чем-то невероятным.

Война давно закончилась, фронтовики всё возвращались и возвращались, а нашего папы всё не было. Я видел, как встречают каждый день фронтовиков их жёны и дети, и мне было очень грустно.

Но наконец-то и наш папа приехал! Он был в гимнастёрке и в пилотке с вещмешком за плечами. На гимнастёрке его сверкали медали, но трофеев он не привёз.

Отец стал искать работу. В Лайише ничего подходящего не нашёл и поехал в Самарканд. Поехал, да так и остался там – нашёл себе другую жену.

Мой друг Гриша частенько приходил к нам. Однажды, когда он был у нас, в комнату зашёл незнакомый мужчина и, не сказав ни слова, поставил у двери полмешка муки и две поллитровые бутылки подсолнечного масла. Поставил и ушёл.

Вскоре маму вызвали к следователю прокуратуры по поводу получения ею взятки. Гриша, видимо, рассказал дома о подарках, которые неожиданно свалились на нас, а его сестра проявила бдительность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.